

УДК 391/395

РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФИИ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

И.В. Федяй

Предлагается новая интерпретация истории развития философии в культурно-историческом контексте.

Ключевые слова: философия; метафизика; культура; система; религия; различение; оккультизм; неклассическая парадигма; гносеологический дуализм.

THE DEVELOPMENT OF PHILOSOPHY IN THE CULTURAL AND HISTORICAL CONTEXT

I. V. Fediai

It offers a new interpretation of the history of philosophy in the cultural and historical context.

Key words: philosophy; metaphysics; culture; system; religion; discrimination; the occult; non-classical paradigm; epistemological dualism.

Наука является частью общей культурной системы, т. е. она существует не сама по себе, не автономна, а всегда встроена в общекультурную систему – зависима от нее и определяется ею. Эта зависимость науки ясно прослеживается в ее фундаментальном, смысловом (метафизическом) уровне. Ведь в любом научном исследовании присутствуют три уровня: 1) методологический или метафизический (смысловой); 2) концептуальный или теоретический; 3) фактологический или информационный, экспериментальный. Именно *метафизический уровень очерчивает границы дискурса, т. е. определяет пространство различных теорий, философских школ, концепций, возможность или невозможность тех или иных допущений*. Все, что находится за пределами данных очерченных границ, – просто не воспринимается, как бы не существует.

Поэтому никакая наука не существует вне и независимо от метафизического смыслового поля. Метафизика – это фундаментальный, определяющий смыслы уровень, а наука – служебный, теоретический, выражающий эти метафизические установки в различных теориях и концепциях, но (!) всегда только в рамках, очерченных этими метафизическими установками. А значит в так называемой “светской культуре”, где наука эмансипируется от метафизики теизма, она вовсе этим не освобождается от метафизики вообще, а лишь становится выразителем метафизики иной. Какой же?

Все знают, что в своем фундаментальном философском основании (родоначальником которого является Р. Декарт) новизна “новой” науки в том, что она эмансипируется от христианской метафизики. Это не совсем так, точнее, это совсем не так. Дьявол, как известно, прячется в деталях. Прямую откровенную ложь опровергнуть легко, но там, где ложь намеренно перемешана с истиной, – разбирать узор, отделяя черные нити от белых, очень сложно, а главное – *не хочется!* Но если пересилить себя и этим все-таки заняться, то награда не заставит себя ждать. Мы увидим связь либерализма, наднациональных структур и глобализационных процессов с этой иной “новой” метафизикой.

Дело в том, что так называемая новая наука (наука Нового времени), в ее основополагающем смысловом фундаменте эмансипируется не от христианства конкретно, а от *теистической, т. е. от различающей онтологии*. Поясним. Нас замораживает и вводит в заблуждение то, что развитие научной теории (философии, говоря проще) представляют как одну единственную магистральную линию, преемственно пронизывающую все эпохи. А все содержательные разногласия, представленные в концептуальных вариантах и школах (онтологизм – психологизм, материализм – идеализм, рационализм – эмпиризм реализм – номинализм и пр.) находятся якобы внутри этой единственной теоретической парадигмы, определяя своей диалектической борьбой ее дальнейшее развитие. Таким образом, их борьба – это борьба ис-

ключительно внутренняя, и она, как положение чего-то конечного внутри этой бесконечной магистрали, и ведет к развитию этой магистрали, шлифуя ее совершенство.

Так вот, “это не есть правда”. На самом деле, вся история науки (под наукой мы здесь понимаем именно теорию, философское обоснование естественных и гуманитарных дисциплин) представлена *борьбой двух линий*. Причем, при победе одной из них, другая не прекращает свое существование, а просто уходит в тень, вытесняется, перестает освещаться¹. Ведь в любом научном исследовании метафизический (смысловой) или методологический уровень присутствует (явно или скрыто) обязательно. Поэтому изгнать метафизику из науки просто невозможно, и весь позитивистский пафос в данном случае рассчитан на прощачков (если выразиться политкорректно).

Главной задачей, на решение которой брошены все силы “прогрессивной” философии, является не уничтожение метафизического (смыслового) уровня, а *сокрытие его*. Необходимо отвлечь от него внимание, увести его в тень, спрятать. Почему? *Да потому, что он меняется!* И меняется не в лучшую сторону.

Поэтому “новая” наука, т. е. наука, вынесенная из религиозного контекста, является, по своей сути, криптологией – учением, не выявляющим реальность, а скрывающим ее. И эта криптологическая наука вовсе не нова, рационально оформляется она еще у древнегреческих софистов и с тех пор развивается как тень, “альтернативная” линия параллельно классической научной магистрали. Центральной же магистралью она становится в эпоху так называемого Просвещения, когда вытесняя классическую научную традицию, остается единственной смысловой основой всех теорий и учений.

Каждая из данных философских линий является концептуальной интерпретацией совершенно определенной метафизики (смысловой основы) – либо магико-окультистской (прячущейся за светскостью), либо религиозно-теистической. И эти метафизические, смысловые основы – враждебны

¹ Например, при победе христианства в тень времени ушла гностико-софистическая традиция. Гностики как представители рационализма и софисты как “эмпиристы” или позитивисты, конечно, противостояли друг другу, но это был спор внутри одной общей парадигмы – окультистско-меонистической. Это были две стороны одной и той же смысловой медали. Как республиканская и демократическая партии в США. А вот при их победе в Новое время в тень ушла не просто христианская, а вся классическая традиция, концептуализированная на различающей онтологии – т. е. и Платон, и Аристотель.

и непримиримы. Поэтому каждая из них воплощается в своих специфических способах осмысливания и восприятия реальности. И каждая систематизирует эту реальность согласно своему структурному принципу, который у них не просто различен, а прямо противоположен.

Религиозное мировоззрение основывается на метафизике различения (как качественного – добра от зла, света от тьмы, истины от лжи, нормы от патологии; так и структурного – сущности от свойств, форм субстанциональных от форм акцидентальных) и потому выражается в ценностных, различающих способах мышления и восприятия. На данном структурном различении основывается различение смысловое, ценностное, моральное, расовое, половое, возрастное, кровное и т. д. Поэтому и цивилизации появляются только на данной, различающей метафизике. А значит, именно на ней строятся все культурно-исторические формы человеческого существования – семья, нация, государство. Только на различении возможны любовь, вера, патриотизм, жертвенность, честь, справедливость. Да даже просто порядочность!

А классическая научная теория, основанная на различении, – это всего лишь элемент общей цивилизационной системы, в которую она встроена и в которой только и может развиваться. Наука ведь не существует отдельно, в безвоздушном пространстве, – она всегда встроена в определенную цивилизационную систему.

Поэтому наука неклассическая (альтернативная, неразличающая), находясь в различающей системе (любой цивилизации), неизбежно будет диссонировать с ней, расшатывая ее и разрушая. Но так же и классическая научная теория, основанная на различающей метафизике² [1, с. 18], не может развиваться в системе либеральной, основанной на метафизике неразличения. Смысловой основой неклассической “новой” науки является неразличающее окультистское Ничто, которое потому и прячут всеми силами, утверждая, что метафизика – это, дескать, пережитки прошлого, в современной науке она вообще отсутствует, изгнана. На самом деле, вся история новейшей философии – это, по сути своей, история борьбы не против метафизики вообще, как это хотят представить, а против *метафизики различения*.

² Для возможности познания вообще мы должны быть в состоянии различать истину и ложь в наших представлениях, нормальное и ненормальное в явлениях природы, закономерность, определенные направления и постоянные привычки в ее деятельности. Основа всех этих категорий, без которых наука не имела бы содержания, пишет П.Д. Юркевич, лежит в представлении платоновской идеи, а не в механического процесса.

Например, апогей развития современной аналитической философии в лице эпистемологического анархизма Фейерабенда открыто прокламирует, что: “Нет концепции – сколь бы “абсурдной” или “аморальной” она ни казалась, – которую бы он отказался рассматривать или использовать, и нет метода, который бы он считал неприемлемым. Единственное, против чего он выступает открыто и безусловно, – это универсальные стандарты, универсальные законы, универсальные идеи, такие, как “Истина”, “Разум”, “Справедливость”, “Любовь” и *поведение, предписываемое ими...*” [2, с. 333].

Оккультное мышление и восприятие – это неразличение не только качественное, но и структурное, это смешивание всего и вся. Именно этот оккультный источник и приводит к доктринальному обоснованию смещения расового, культурного, полового, возрастного, религиозного и даже видового (зоофилия). Вот отсюда и происходят столь модные сейчас теории хаоса – его самоорганизации, его позитивности, его предпочтительности, его управляемости. Источник всех этих гламурных теорий “управляемого хаоса” именно здесь, в оккультной метафизике неразличения. А структурно это неразличение (смещение) оформляется в сетевых, т. е. в транснациональных, *над-различающих* структурах корпоратократии – финансовой, политической, социальной и пр.

Таким образом, научная теория, возникающая в данной оккультной парадигме и обслуживая ее, лишь обслуживает метафизику неразличения, хаоса в различных идеологических вариантах (позитивизма, социологического номинализма, политического бихевиоризма, методологического индивидуализма в теории рационального выбора, прагматизма, утилитаризма), формируя неразличающие, *толерантные* способы восприятия и мышления. Таким образом, *она вовсе не изгоняет метафизику, а лишь меняет ее*. Понятно, что мышление различающее, ценностное при этом вытесняется и маргинализируется. А традиционное общество, оставшись без своего концептуального обоснования, оказывается совершенно беззащитным перед напором идеологий, выражающих параллельную, маргинально-оккультную, отщепенческую мистику.

Не удивительно поэтому, что нам не просто кажется, что победившая оккультно-смысловая линия есть лишь этап в преемственном развитии прежней единой научной магистрали, – нас стараются всеми силами и средствами в этом убедить! Ибо, если понять, что Просвещение отделило науку не от религии только, а от смысловой различающей основы, то совершенно отчетливо проступят контуры параллельной теневой магистрали, берущей свое начало не от Сократа, Платона и Аристо-

теля (и не имеющей с ними ничего общего), а от Анаксагора, Протагора, Прокла, Бруно и пр.

И тогда станет совершенно ясно, что современная позитивистская теория (на которой построена вся либеральная система – политическая, экономическая, социальная, этическая) – это никакая не новая наука, а лишь *новый* этап в развитии *старой теневой* гностико-софистической линии. И все концептуальные варианты современной “научной парадигмы” являются не развитием некоей абстрактной науки (которой вообще нет), а развитием совершенно определенной – альтернативной, маргинальной, *нетрадиционной* теории. Все это вежливо называют *неклассической* теорией. Таким образом, в Новое время происходит не дальнейшее развитие научной теории, через освобождение ее от религиозного контекста, а *смена ее смысловых, метафизических основ*.

Метафизика остается, это смысловой уровень, который есть всегда. Она просто меняется с различающей (теистической) на неразличающую (т. е. магико-оккультную). Вот и все. У Гумилева, например, такие вещи трактуются как “историческое событие”, т. е. разрыв связей. Ну а разрыв прежних связей приводит к созданию новых, уже на победившей, неразличающей версии, а значит, к созданию совершенно иной по своей структуре системы – сетевой, глобально-тотальной.

“Новая” же научная теория просто на концептуальном уровне рационализирует метафизический хаос, это маниакальное стремление к самоуничтожению; доктринально его обосновывает, возводит во всеобщий нормативный принцип. Причем хаос не только политический (система это не отдельные элементы, это связь меж ними), но непременно и социальный, этический, эстетический, половой, возрастной, и даже видовой! Он рационализирует всеобщий распад и смешение.

Оккультная мистика хаоса заключается не в ином содержании, а вообще в отсутствии какого-либо содержания, каких-либо границ – в их растворении, растекании, в смешении всего со всем. Именно в этом проявляется ее маниакальное стремление к уничтожению и самоуничтожению. Данное свойство оккультной мистики неизбежно приводит к тому, что существовать самостоятельно она не может. Хаос – это сошедший с ума, распавшийся космос, а не самостоятельное, существующее рядом с космосом, альтернативное бытие. Оккультная мистика по сути своей – паразитарна, не автономна. А значит, ее сосуществование, наряду с мистикой теистической, заключается в отношении хозяина (носителя)-паразита.

Это приводит ее носителей к следующим специфическим способам и средствам ведения войны с ме-

тафизикой теистической и цивилизациями, на ней возникшими. А именно: прямое и открытое насилие со стороны паразита – невозможно. Необходимо маскировать свой паразитизм, пока хозяин (теистическая метафизика) не будет лишен дееспособности и не попадет под полный контроль паразита. Маскировка же требует контроля над дискурсом, т. е. контроля над рычагами, приводящими в движение “окно Овертона”. Ибо дискурсом владеет тот, кто определяет его границы. А значит, утрата дееспособности хозяина-носителя может произойти лишь в результате “тихого переворота”. Распад и разложение сначала делают привлекательным, а затем возводят в структурную основу социума. Чтобы скрыть данный переворот в отношениях хозяина-паразита, необходимо концептуализовать автономность мышления, т. е. независимость его от морально-волевой и духовной сферы; и таким образом *скрыть связь определенных теорий с определенным типом людей.*

Как же это скрывают? Да как обычно – кладут на самое видное место! Это самое видное место есть мировоззренческая основа всей секулярной, светской культуры гуманизма – *теория естественного человека с его естественными правами.* Именно она становится смысловой основой всей структурной перестройки, т. е. уничтожения цивилизации. А вся “новая” научная теория – философская, социальная политическая, этическая, эстетическая и пр. – лишь обосновывает этого естественного человека (естественный разум) с его естественными и законными правами в своих концептуальных интерпретациях.

Естественный человек есть некая универсальная природно-видовая абстракция, находящаяся вне любого культурно-исторического различия – не только национального, политического или социального (статусного), но и вне различия морального, полового, возрастного! В данной абстракции человек представлен в общеродовой форме, просто как биологический вид. Поэтому “естественные права”, как свойства этого природного вида, непременно будут правами *неразличающими.* Ведь к природе моральные оценки не применимы. Права, как свойство естества, а не личности, никакие различающие критерии содержать не могут. Поэтому именно неразличение в концепции “естественных прав человека” признается естественным, нормальным; а любое различие (и морально-нравственное, и половое, и кровно-родственное в том числе), соответственно, – искусственным, субъективно-относительным и вредным. А значит, требующим беспощадного искоренения.

Ведь если изначальным вместилищем всех прав и свобод делается общеродовая (поврежденная первородным грехом) природа человека, то

человек становится вместилищем всех прав в своем видовом, а не личностном состоянии. А значит, свобода начинает пониматься не как способность личности самоопределяться в отношении желаний собственной природы, отвергая одни (как недостойные) и принимая другие; а как внешняя способность удовлетворять любые желания этой природы, любые ее страсти (вплоть до самых противоестественных, ведущих к уничтожению этой самой “естественной” природы).

Итак, в юридическом контексте “естественные права” – это права человека вне любого различающего статуса. Но в реальности, вне какого-либо статуса – социального, национального, полового, возрастного и т. п., – люди не существуют. Индивид, противопоставленный обществу (с луны упавший и парящий в чистом, безвоздушном пространстве), есть такая же абстракция, как и его “чистые” права. Но кому-то же эта абстракция нужна? Для кого-то же она работает, чьи-то интересы представляет? – Конечно. *В реальности эта абстракция “естественного человека” с его “естественными” правами представлена совершенно определенным социальным контингентом – действительно и намеренно внесtatусным – всевозможными отщепенцами и маргиналами.*

Тайно или явно противопоставляют себя обществу и оказываются вне его только извращенцы, социопаты, т. е. тоже вполне реальные, а не абстрактные индивиды. А значит, первичность прав и свобод индивида, как некоей всеобщей абстракции (**т. е. чего-то несуществующего**), в реальности приводит лишь к правам всевозможных отщепенцев, ибо **нормальные люди живут только в обществе и в правах вне его не нуждаются.** Так, на основе индивидуальной свободы, “прав человека” создается связь культуроразрушающая, деструктивная, хаотизирующая общество. Эти “естественные” права, возведенные в способы мышления, изнутри разрушают культурное пространство, хаотизируют его, а значит, вынуждают к внешнему жесткому связыванию распавшихся атомизированных единиц.

В научной теории концепция “естественного человека” воплощается в понятии “естественного разума”, т. е. чистого, теоретического мышления, отделенного от духовно-волевой сферы! Таким образом, запускается процесс знаменитого “гносеологического дуализма”, в котором мышление отделяется от духовной (религиозной и морально-волевой) сферы. Данный гносеологический дуализм и становится основой всей современной научной теории. В результате наука превращается в криптологию, *цель которой не выявлять реальность, а скрывать ее всеми средствами.* Эта новая установка и находит свое воплощение в двух параллельных

линиях Декарта (субстанцией мыслящей и субстанцией протяженной), до сих пор, кстати, господствующим в интеллигентском мировоззрении.

Уже Фома Аквинский уступает знанию (философии) всю территорию того, что может быть познаваемо “естественным разумом”: “Это учение о самодостаточности “естественного разума” в познании мира и человека есть в сущности новое, чуждое основным течениям даже античной мысли понятие: возвышая Откровение над “естественным разумом”, Аквинат в то же время рассекает единую целостность познавательного процесса. Она была таковой у греков, т. е., конечно, у самых значительных мыслителей Греции; она была таковой и у христианских богословов ранних и поздних, – до XIII века... Это открыло новый путь для чисто философского творчества, которое не просто стало обходиться в дальнейшем без религиозного обоснования (“верхнего этажа”), но постепенно вышло на путь полной автономии, возводимой отныне в принцип... Вся ошибка Аквината состояла в том, что он берет понятие “естественного разума” как понятие неподвижное, тогда как в христианском мире речь идет вовсе не о том, чтобы “христиански употреблять” разум, а о том, чтобы в Церкви находить восполнение и *преображение* разума. Для христианина разум есть не “нижний” этаж его духовной целостности, а живая сфера его духа, куда проникают благодатные лучи Церкви. Отделять разум от веры, философию от богословия, значит ограничивать свет Откровения только той сферой духа, которая обращена к Богу, – считать, что жизнь в Церкви не открывает нам пути к преобразению всего нашего естества, запечатленного действием первородного греха”.

И, как говорил незабвенный Михаил Сергеевич, – “процесс пошел”. Оторвав научное мышление от религиозной сферы, его отделяют затем от сферы морально-волевой, т. е. *различающей*. Единая целостность познавательного процесса живого человеческого духа рассекается и препарируется. Отделяясь от различающей волевой сферы, познавательный процесс начинает трактоваться как мертвая схема абстрактных суждений, а “всякое самоопределение мысли необычайно ответственно, ибо, когда мысль определяет что-нибудь *вне* себя, то определение это связывает для мысли только тот предмет, который подвергся определению. Когда же мысль определяет *себя*, ограничение вносится не в тот или другой объект, а в *самую* мысль, в тот самый *орган*, который оперирует всеми содержаниями мысли, т. е. ограничение вносится во всю совокупность мыслимого” [3, с. 147–148].

Вся философская мысль Нового и Новейшего времени, пишет В.Ф. Эрн, определяет себя в качестве *ratio*. Именно *ratio* явилось основой той вели-

кой магистрали новой философии, которая тянется от Декарта к Канту, от Канта к Гегелю и от Гегеля к современному трансцендентализму.

Рационализм, считает В.В. Зеньковский [4, с. 213], имеет дело с явлением, с его мнимой самодостаточностью и, следовательно, с утратой в нем реальности. А в своем высшем проявлении, трансцендентализме, рационализм перетолковывает материал знания в смысле того, что оно обнимает “явления”, т. е. “тень” бытия, его “закон”, а не “действительность”, его логическую структуру, а не реальность. Таким образом, Декарт и те, кто пошел по его стопам, вынуждены были самой своей позицией игнорировать в мысли активность, динамичность, волевое самоопределение, которые не *видятся*, а только *ощущаются* в себе мыслью; и которые, по сути, никогда не могут стать чистым, зрительным *объектом* мысли. Эта чистая пассивность *ratio* обуславливается самим методом самоопределения мысли: “Пассивное созерцание... может открыть и зафиксировать в мысли только те признаки пассивности и только ту статичность строения, которых в мысли-субъекте *нет*, которые обусловлены не объективными и реальными свойствами мысли, а искусственными условиями рассмотрения” [3, с. 149].

Отделив же это теоретическое *ratio* от онтологии (т. е. очистив мышление от реальной духовно-волевой основы), рационализм превращает его в сухую безжизненную шелуху, которую затем уже крошат и сметают, смешивая все со всем, позитивисты. **Таким образом, выведение науки из религиозного различающего (онтологического) контекста запускает процесс ее самоуничтожения, а Новая западная философия в своей магистральной линии лишь рационализирует и систематизирует этот процесс.**

Например, переход от картезианской философии к Канту совершается путем психологизации мышления, а у Гегеля бытие уже выводится из мысли как ее момент. Древняя метафизика, полагает Юркевич, правильно видела в категориях идеи истины и отождествляла разум и истину. Кант же платоновские вечные истины (онтологические идеи), т. е. знание разума об истинно существе, превратил в функции субъекта, в формальные приемы воззрения и представления того содержания, которое есть видоизменение нашего внутреннего чувства.

Функции – это способы действия рассудка, доставляющие единство представлениям в суждениях. Когда же категории, т. е. формы, под которыми нечто мыслится, подводятся под физиологическое понятие функции, то этим им наперед предписывается характер событий, **безразличных по отношению к истине**. На самом деле, когда

мы соединяем представления, которые в эмпирическом определении внутреннего чувства даны всегда как события, а не как истина, под категории в суждениях, мы относим их к первоначальному и неизменному сознанию истины, а не к сознанию “я”, как утверждал Кант, у которого человек удовлетворяется не сознанием истины, а тем, что вследствие подведения данных внутреннего чувства под категориями, он сознает себя мыслящим и, следовательно, действующим в области не личных состояний, а всеобщего сознания. Удовлетворение, по Канту, состоит в том, что человек, как только начинает мыслить, имеет перед глазами тождество своей деятельности.

Это заблуждение, по мнению Юркевича [5, с. 500–523], и породило философскую систему, которая учит, что безусловное мышление совершает бесконечный процесс миротворения и истории человечества только для того, чтобы в сознательном человеческом духе иметь перед глазами тождество своей деятельности, т. е. систему Гегеля. Таким образом, именно Кант положил начало тому беспримерному в истории направлению метафизики, для которого законы действия познающего субъекта есть вместе с тем и произведения этих действий познающего субъекта и как следствие есть основание самого себя.

Убрав качественное различие (подволом категорий под физиологическое понятие функций), идеализм “новой” философии уничтожает затем различие и структурное – между сущностью и явлением, формами субстанциональными и акцидентальными: “Идеализм в законной борьбе против эмпиризма, который надеялся сложить самое существо души из внешних толчков и впечатлений, сглаживал различие между *сознанием*, в котором душа познает действительность, данную ей во внешнем и внутреннем опыте, и *субстанциональную душу*, которой, бесспорно, как и всякой вещи в мире, принадлежат ей одной свойственные законы и образы деятельности. Подобным же образом различие между явлением и вещью в себе современная философия признает не *метафизическим*, как это полагал Кант, а *гносеологическим*, то есть понятиями *явление* и *сущность* обозначаются различные степени и совершенства нашего знания и понимания: познание явления становится по мере своего совершенства познанием сущности” [1, с. 66]. Остается просто функциональность и безличный процесс ради процесса.

Это есть переход от линии Платона, Аристотеля к тупиковой линии софистов и мелетцев, абсолютизирующих процесс и растворяющих в нем любую устойчивость, норму, сущность – и онтологическую, и личностную.

Как в жизни *нравственной*, так и в знании человек начинает и заканчивает движениями субъективными! Таким образом, за отвержением теистической различающей метафизики (выведением науки из религиозного, онтологического контекста) неизбежно следует *методологическое неразличение*, которое концептуально оформляется уже позитивизмом и неопозитивизмом. Ведь метафизика оккультизма – это метафизика небытия, неизбежно стремящаяся к уничтожению и самоуничтожению. Логическим же завершением данного стремления к самоуничтожению является эпистемологический анархизм, методологическая основа которого как раз и формируется неизбежным в данной парадигме стремлением к самоуничтожению. Основа эта такова: каждый волен изобретать свою собственную концепцию; ее невозможно сравнить с другими концепциями, ибо нет никакой основы для такого сравнения; следовательно, все допустимо и все оправдано. Хотя – нет, не все. Есть то, против чего эпистемологический анархизм выступает открыто и безусловно – “...это универсальные стандарты, универсальные законы, универсальные идеи, такие как “Истина”, “Разум”, “Справедливость”, “Любовь” *и поведение, предписываемое ими...*”. В общем, “О плюрализме не может быть двух мнений!”

В лице эпистемологического анархизма философия науки дошла до выступления против самой науки и до оправдания всеобщего смешения и хаоса. Точно так же, как в лице теории “естественного права” – до уничтожения самой природы человека, уничтожения человека как вида. И удивляться тут можно только, если не видишь целостную картину, со всеми ее уровнями. А если видишь – все ясно. От метафизики оккультизма и, как следствие, – методологии неразличения – другого ожидать не приходится.

Литература

1. См.: Юркевич П.Д. Идея // Философские произведения / П.Д. Юркевич. М., 1990.
2. Фейерабенд П. Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания // Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд. М., 1986.
3. Эрн В.Ф. Борьба за Логос. Исходный пункт теоретической философии // Сочинения / В.Ф. Эрн. М., 1991.
4. См.: Зеньковский В.В. История русской философии / В.В. Зеньковский. Л., 1991.
5. См.: Юркевич П.Д. Разум по учению Платона и опыт по учению Канта // Соч. / П.Д. Юркевич. М., 1990.